

К о п и я

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1961 года февраля 5 дня.

Дер. Борки.

Ст.следователь следотделения УКГБ при СМ БССР по Могилевской области капитан [ ] допросил в качестве свидетеля

САКАДЫНЕЦ Ефросинью Борисовну, 1912 года рождения, уроженку и жительницу дер. Борки, Кировского района, Могилевской области, белоруску, гр-ку СССР, беспартийную, малограмотную, замужнюю, колхозницу, несудимую.

Об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу ложных показаний предупреждена по ст.ст. 134 и 136 УК БССР.

САКАДЫНЕЦ

Свидетель САКАДЫНЕЦ заявила, что русским языком она владеет и желает давать показания на русском языке. По существу заданных вопросов показала: Во время оккупации немцами территории Белоруссии я проживала на оккупированной территории — на поселке Закрыничье деревни Борки, Кировского района, Могилевской области. Тогда деревня Борки состояла из поселков. Кроме поселка Закрыничье в состав деревни Борки входили поселки: Долгое поле, Красный пахарь, Пролетарский, Дзержинский, Хватовка и Борки. 15 июня 1942 года немецкими карателями все поселки деревни Борки были сожжены, а население расстреляно и сожжено в домах. Остались в живых те, кто в этот день был в отлучке, и те, кому удалось бежать от карателей и спастись. Сколько человек осталось в живых — сейчас — не помню. В то время, когда каратели уничтожали деревню Борки, я находилась на поселке Закрыничье, но мне удалось уйти от карателей и спастись. Это было так:

Деревня Борки находится на расстоянии двух километров от шоссе Могилев-Бобруйск, справа от шоссе, если ехать из города Могилева. Наш поселок Закрыничье находился на расстоянии полкилометра от шоссе Могилев-Бобруйск. 15 июня 1942 года, рано утром, на зорьке я услышала движение автомашин по шоссе Могилев-Бобруйск. В это время я вышла из дома на двор и увидела, что от шоссе идут автомашины на наш поселок и поселок Борки. Также заметила, что по полю от шоссе цепью идут каратели и окружают нашу деревню, вернее наш поселок. Во что они были одеты, я тогда хорошо не заметила, но видно было, что на голове у них были каски. Я испугалась и не знала, что делать. Потом быстро зашла в

дом и залезла на печь. У меня было трое детей. Сын Володя - 13 лет, сын Николай - семи лет и сын Григорий, 1940г. рождения. Дети мои спали. У меня также жил военносуджащий Советской Армии, оказавшийся на оккупированной территории, которого у нас называли приписником. Он был родом из Казани, звали его Василий, фамилию не помню. Вскоре ко мне в дом зашел один немец, вооруженный автоматом, что-то сказал по-немецки и показал, чтобы выходили из дома. К этому времени мой сын Володя проснулся. По приказанию немца я, Василий и сын Володя вышли из дома на улицу. Мои сыновья Николай и Григорий спали, немец не разрешил их трогать. Когда я вышла на улицу, то увидела, что каратели выгоняют со всех домов жителей поселка и собирают в одном месте на центре поселка. Это было как раз против моего дома. Стоя в толпе собравшихся граждан, я увидела, как один каратель зашел в мой дом, а затем, выйдя из дома, спросил по-русски кто хозяйка дома. Я назвалась. Он приказал мне забрать с собой детей, которые спали. Я пошла в дом разбудила сыновей Николая и Григория и с ними пришла в толпу. Как только все жители поселка были собраны, каратели повели нас по улице в конец поселка. Я думала, что всех нас поведут в деревню Борки. Когда каратели вели нас по улице поселка, то нас догнал немец, приехавший на мотоцикле со стороны поселка Долгое Поле. Это было в конце поселка в сторону деревни Борки. Этот немец сказал карателям что-то по-немецки, и сам опять уехал в сторону поселка Долгое поле. Я определила, что немец, приехавший на мотоцикле, был офицером. У него на голове была фуражка с кокардой. Каратели, которые выгоняли нас из домов и вели нас по улице поселка, были в немецкой одежде, на головах у них были каски. Все они были вооружены винтовками и автоматами. Когда приехал офицер со стороны поселка Долгое Поле, каратели остановили нас. После его уезда они нас никуда не повели. Мы стояли в окружении карателей на конце поселка. Как только офицер уехал, каратели повернули нас обратно и повели на поселок. Поравнявшись с домами, каратели взяли из толпы восемь человек и повели в дом. В доме раздались выстрелы. Потом взяли еще восемь человек и завели во второй дом, где также были слышны выстрелы. Я поняла, что каратели расстреливают жителей поселка, которых берут с толпы и заводят в дома. В дома каратели заводили взрослых и детей. По восемь человек завели в три дома. Мой старший сын попал в первый дом. Первые три дома находились вдали от леса. Остальные дома нашего поселка были ближе к лесу. Завез в три дома по восемь человек, каратели в следующие дома стали заводить больше. Не помню как случилось, но я на улице осталась одна с двумя детьми. Каратель толкал меня в спину стволом оружия и требовал, чтобы я заходила в дом. Это было недалеко от моего дома. В этот момент я увидела, что КОЗЛОВСКИЙ Максим, лесничий МАРКЕВИЧ и САКАДЫНЕЦ Леон, которых заводили в дом, стали убежать. От меня побежал мой семилетний сын Николай. Каратели открыли по ним стрельбу. Мой сын упал на улице. МАРКЕВИЧ также упал на улице под окном моего дома. САКАДЫНЕЦ Леон тоже был убит, а КОЗЛОВСКОМУ, как я потом узнала, удалось спастись.

Воспользовавшись тем, что каратели стали преследовать убежавших, я с ребенком на руках забежала в свой дом. В это время

7

ко мне в дом прибежал пятилетний сын КОЗЛОВСКОГО Максима. Он мне сказал, что его мать убили, а отец убежал. Я быстро подняла доску пола и спряталась в ямке под полом со своим сыном и сыном КОЗЛОВСКОГО. У меня была собака. Она залезла под печь и лаяла. Находясь под полом я слышала, что в деревне происходила стрельба. Мне было слышно как каратели зашли в дом мой и убили собаку, находившуюся под печью. Мне помнится, что каратели выстрелили по собаке три раза. После этого мне было слышно, что каратели что-то притащили в мой дом и бросили на пол. Посидев немного под полом я решила посмотреть, что делается в доме.

Доску пола я приподняла с трудом. Но все же, когда мне удалось приподнять доску, то я увидела, что в моем доме лежал труп МАРКЕВИЧА, труп МАРКЕВИЧА оказался на доске, поэтому мне трудно было ее приподнять. На пороге лежал труп моего сына Николая. Увидев это, я опустила доску и спряталась под пол. Через непродолжительное время я услышала, что каратели зашли в дом. Мне было слышно как каратели забирали вещи. Каратели разговаривали между собой по-русски. В это время один из карателей сказал, что нужно поднять доску пола и посмотреть, есть ли кто под полом.

Пытались ли каратели поднять доску пола, не знаю, но в этот момент закашлял мой сын. После этого каратели подняли доску пола и выстрелили три раза под пол, в результате чего я была ранена в левую ногу выше колена, а мой сын в грудь. Сын КОЗЛОВСКОГО оказался невредим. Я со страха потеряла сознание. Сколько времени я лежала под полом после ранения не помню. Придя в сознание, я решила вылезти из-под пола. Я приподнялась и посмотрела. Карателей в доме не было. Я вытащила из-под пола своего раненного сына и сына КОЗЛОВСКОГО. Посмотрев в окно, увидела, что по улице проехала автомашина и остановилась. С нее слезло пять карателей. Два пошли в один дом, два во второй дом, а пятый каратель стал на улице, облокотившись на забор. Видя такое положение, решила бежать. Сыну КОЗЛОВСКОГО я говорила несколько раз, чтобы он уходил из дома и прятался на огороде в грядках, но он, дойдя до дверей, и увидев на улице карателей, возвращался в дом. Я пыталась взять на руки своего раненого сына, но он мне не давался. Отталкивал меня ручками. Оставив детей в доме, я вышла из дома и побежала, полусогнувшись, по огородам в кусты, которые были на расстоянии более трех сот метров от моего дома. Когда я бежала, каратели открыли по мне стрельбу, но по мне не попали. Пули летели мимо. Мне удалось забежать в лошину, и я решила передохнуть.

В это время я увидела, что по полю бежит ко мне один каратель. Он ругался и кричал по-русски, чтобы ложилась. Этот каратель стрелял по мне. Одна пуля пролетела около моего уха. Я собралась с силами и побежала. Сумела забежать в кусты и, немного пробежав, упала на землю. Когда я забежала в кусты, каратель больше меня не преследовал. В кустах я пробыла до вечера. Я была в таком состоянии, что не помню, что происходило вокруг. Видела ли я как горели наши поселки не помню. Мне помнится, что я слышала как на поселках стреляли и как гнали по дороге скот. Вечером

когда стало тихо, я вышла из кустов и увидела, что все поселки нашей деревни сгорели. На поселок я не пошла, а пошла в деревню Колбово, которая была на расстоянии 4-х километров. Райа у меня была небольшая, и я могла двигаться. В деревне Колбово я пробыла два дня, а потом пошла к своим родственникам в деревню Шалаевку, где прожила около недели. Затем до осени жила в лесу.

С осени 1942 года до освобождения нашей местности от немцев жила с жителями деревни Хоново в землянках, на том месте, где ранее была деревня Хоново, так как деревня Хоново также была сожжена, вскоре после сожжения нашей деревни. В настоящее время деревни Хоново нет. Многие жители этой деревни сейчас живут в деревне Борки. Наш поселок Закрыничье после войны не отстраивался.

Из деревни Шалаевка я ходила на свой поселок Закрыничье. На пожарищах домов видела обгоревшие трупы. На пожарище своего дома нашла кости своего сына и МАРКЕВИЧА. Здесь же на пожарище я закопала в одной ямке кости сына, а во второй - МАРКЕВИЧА. Костей сына КОЗЛОВСКОГО я не нашла. Только нашла кусочек от штанов в том месте, где была под полом ямка. Из этого я заключаю, что сын КОЗЛОВСКОГО, когда я убежала из дома, опять залез в ямку и там сгорел. На пожарище дома КОСТКИНА нашла обгоревший труп своей матери и там же на пожарище закопала. Идя из деревни Шалаевка в лес, я проходила деревню Борки и видела, что на пожарищах домов лежали обгоревшие трупы. Потом жители деревни Борки, оставшиеся в живых и родственники убитых из других деревень, подобрали обгоревшие трупы и закопали некоторые на пожарище, а некоторые на кладбище. Тогда немецкими карателями в деревне Борки было уничтожено 1800 человек. В память погибших в прошлом году в нашей деревне Борки поставлен памятник, на котором имеется надпись и указано, что 15 июня 1942 года в деревне Борки погибло 1800 человек.

Потом мне рассказывали, но кто не помню, что каратели, прибыв в деревню Борки, собрали всех полицейских с семьями, закрыли в сарае и сожгли. После этого стали расправляться с населением деревни Борки. Это также было 15 июня 1942 года. Но не знаю было ли это до расправы над жителями нашего поселка или после. Кто такие были каратели, которые учинили расправу над населением нашей деревни не знаю. Среди карателей были немцы и русские. Каратели, который я видела, были в немецкой одежде, все они были для меня незнакомые и в настоящее время никого из карателей опознать не могу. Уже потом я пользовалась слухами, но от кого не помню, что расправу над жителями нашей деревни учинили карательный отряд Барчика, который тогда находился в деревне Чечевичи, которая на расстоянии 12 километров от нашей деревни, и немецкий карательный отряд, прибывший из города Могилева. Как назывался карательный отряд, который прибыл из города Могилева, и кто им командовал, не знаю. О немецком карательном отряде Дирлевангера я ничего не слышала. Больше показать ничего

не могу. Протокол допроса мне прочитан, показания с моих слов записаны правильно. САКАДЫНЕЦ

Допросил: Ст.следователь следотделения УКГБ
при СМ БССР по Могилевской области

КОПИЯ ВЕРНА: Ст.следователь следотдела КГБ
при СМ БССР, капитан

( )

СПРАВКА: Подлинник находится в архивном уголовном деле № [redacted]
по обвинению [redacted] и других т. [redacted],
хранящемся в УАО КГБ БССР.

( )

Центральный архив КГБ Республики Беларусь